

ЧАСТЬ I

Глава I

Судя по информации, содержащейся в исходных данных, этот дядечка наделен чрезвычайно высоким коэффициентом живучести. Знаете, есть такие, о которых говорят: «В огне не горит и в воде не тонет», — это как раз тот случай.

За время активного функционирования в области околориминального бизнеса (а это что-то около четырех лет) его пытались завалить в общей сложности раз двенадцать; это лишь те данные, которые удалось зарегистрировать аналитикам ПРОФСОЮЗА.

Может быть, это какой-нибудь новоявленный Бэтмен новотопчинского разлива или прапраправнук Николы-чудотворца? Судите сами: четыре раза по нему работали снайперы — безрезультатно. Дважды нерадивые саперы рвали его авто. Ухайдакали двух водил и четырех телохранителей — КПД нуль. В первом случае клиент отделался легким сотрясением мозга и множественными мелкими ушибами, во втором вообще до машины не дошел — ни единой царапины!

Разок его пытались травить цианидом — промыл, желудка, и ни в одном глазу. Какие-то лихие автоматчики три раза делали из его машины решето. Итог весьма неутешительный: всего-навсего сквозное ранение плеча. А один раз вообще влупили по особняку сразу из четырех «стингеров» (где они их достали, ума не приложу!). Видимо, это был жест отчаяния, не иначе. Дядечка в этот момент как раз спустился в подвал сгонять партейку-другую в бильярд со своим приятелем. После взрыва он только из-

вестку из волос вытряхнул. Зенитчики домоделанные вынуждены были убираться несолоно хлебавши, под ураганным огнем тех охранников, что остались в живых. Одного оператора «стингера» в тот раз уложили наповал, однако это последствий не имело. Привязать труп стингерщика к кому-либо из недругов дядечки не получилось.

Вот такого рода информашка содержалась в исходных данных. Я с трудом могу предположить, какие конкретно товарищи желали дядечке смерти и что за умельцы пытались осуществить их замыслы. Но одно могу сказать точно: к ПРОФСОЮЗУ они не имеют никакого отношения.

Почему я в этом уверен? Извольте. Во-первых: у нас таких не держат. Все, кто работает на эту организацию, не могут позволить себе роскошь провалить акцию и не довести дело до конца. ПРОФСОЮЗ за такие штуки жестоко наказывает исполнителя: либо смерть, либо кое-что хуже, чем смерть.

Некоторые криво ухмыльнутся: что бывает хуже смерти? Бывает, бывает, не сомневайтесь! Я считаю, что лучше умереть, чем сидеть в инвалидной коляске со сломанным в двух местах позвоночником и 24 часа в сутки любоваться качественной видеозаписью походов своей несовершеннолетней дочери в каком-нибудь пакистанском публичном доме предпоследнего разряда. Или еще что-нибудь в том же духе, но круче и заковыристее: ребята из Управления ПРОФСОЮЗА такие выдумщики, такие изобретатели!

Во-вторых: наша контора не желает, чтобы дядечка помер явно выраженной насильственной смертью. Иначе бы к нему послали парней убойной квалификации: снайперов, бойцов или саперов. Напротив, ПРОФСОЮЗУ нужно, чтобы дядечка почил естественной смертью. Но естественной смертью — ежели дело и далее так пойдет — дядечка померет лет этак через тридцать-сорок. Уж больно живуч, скотобаза! А надо, чтобы он заплел лапы в экстренном порядке. Поэтому к дядечке послали Натуралиста.

Натуралист — это я. Прошу любить и жаловать. Только не надо думать, будто я препарирую лягушек тупым кухонным ножом и гоняюсь с драным сачком за бабочками по

загаженным лужайкам пригородной зоны. Нет-нет — такими вещами мне заниматься недосуг.

Я убийца. Такой же мерзкий киллер, как и любой из бойцов, снайперов, саперов, вкальывающих на ПРОФСОЮЗ. Только в отличие от этих товарищей, которые могут изгаляться над своими жертвами как им заблагорассудится, я обязан работать иначе.

Смерть моего клиента должна выглядеть естественной. Случайной. Натуральной. Отсюда и наименование категории: натуралист...

Недовольно поморщившись, я посмотрел на часы и перевел взгляд на неровную ленту шоссе, петляющую зигзагами меж холмов пригорода. Асфальтный зной, поднимавшийся над дорогой причудливыми прозрачными клубами, по мере удаления шоссе в сторону горизонта загустевал и превращался в синее сказочное марево, создавая ощущение нереальности происходящего.

Хотелось сидеть вот так часами, расслабившись в томной неге, и любоваться видом, открывающимся с холма. Работать не хотелось совсем. Эх, черт! Как же мне все это не нравится!

Я привык работать по сложившейся системе: получил исходные данные, определился со сроком исполнения, выдвинулся на место и разрабатывай объект как душа пожелает. Следи, изучай, собирай информацию, входи в контакт при необходимости, пока не сочинишь клиенту вполне приемлемую и симпатичную естественную кончину. Полная свобода творческой фантазии при условии строгой ответственности за результат.

В данном же случае все вышло совсем по-другому. Раненько утром меня разбудил звонок Диспетчера ПРОФСОЮЗА, который злорадным голосом (а может, показалось спросонок) сообщил, что есть работенка, — исходные данные в почтовом ящике.

Раздраженно выразившись в коротко загудевшую трубку, я вышел во двор, забрал из ящика светонепроницаемый конверт и уединился в летней кухне. Спустя минуту уже недоуменно хмыкал, читая убористый компьютерный текст, разместившийся на трех листах.

— У них там че — кварталный план горит?! — недовольно пробурчал я, перечитывая текст вторично и шаря на ощупь по подоконнику в поисках спичек. — Ну дают, деятили!

Прочитав исчезающий на глазах текст в третий раз, я на всякий случай сжег листки и задумался.

ПРОФСОЮЗ настаивал, чтобы я в течение часа с момента получения исходных данных убыл на рекогносцировку в район расположения 127-го шоссе, по которому от 16.00 до 17.00 будет проезжать клиент. Некто Роман Петрович Снегов. Именно с этого шоссе и именно в это время с 16.00 до 17.00 я должен скинуть товарища Снегова любым приглянувшимся мне способом. В общем, как хочу, так и скидываю. Единственно: все должно выглядеть совершенно случайно и совершенно естественно и... «желательно», чтобы товарищ Снегов в конечном итоге расшибся насмерть.

Ну, насчет естественно и случайно — понятно. Все как обычно. А вот что значит «желательно»?! Это что ж: ПРОФСОЮЗ предполагает, что акция может и не получиться? Вот так новости!

Вернувшись в дом, я быстренько накрутил промежуточный контактный телефон и сердито истребовал Диспетчера. Выслушав все вопросы, Диспетчер терпеливо попенял мне за тугодумство и подтвердил: все указано верно. Клиент имеет обыкновение перемещаться на «Мерседесе-600», который располагает недурственной системой защиты пассажиров. Так что не исключен вариант, что на сто процентов объем работ выполнить не удастся. И вообще — я что, забыл, что контактным телефоном можно пользоваться только в экстренном случае? Нечего дурацкие вопросы задавать — работать надо! Время идет...

Я еще раз посмотрел на часы: стрелки на циферблате «Ролекса» фиксировали 16 часов 12 минут. Пожалуй, пора приступать к непрерывному визуальному контролю за дальними подступами.

Вытащив из «бардачка» подозрную трубу — непременный аксессуар всех моих акций во благо ПРОФСОЮ-

ЗА, — я настроил ее на максимальную дальность и принялся наблюдать за северо-западной оконечностью шоссе. К месту будущего происшествия спускаться было пока рановато. Разумеется, было бы неплохо все приготовить заранее, не спеша, с чувством, толком, расстановкой. По шоссе через каждые полминуты в обе стороны пронесится транспорт, и перерыва в систематическом движении не предвидится. А транспортом этим зачастую управляют весьма любопытные мужики, каждый второй из которых не поленится притормозить, чтобы в деталях ознакомиться с довольно необычным явлением, заготовленным мною для клиента.

Учитывая это обстоятельство, я на данном этапе сделал лишь то, что ни у кого любопытства не вызывает: у правой обочины воткнул в землю полутораметровый ивовый прут, а посреди мертвой клумбы, разделяющей встречные полосы, вбил проволочную скобку. И, загнав свою «Ниву» на холм у дороги, принялся ожидать появления клиента. От момента, когда я окончательно идентифицирую визуальные параметры клиента с реквизитами, указанными в исходных данных, до приближения его автомобиля к месту совершения акции пройдет что-то около четырех-пяти минут. За это время я успею сделать то, что необходимо, даже если буду перемещаться пешком.

На всем протяжении шоссе от Вознесеновки до городских окраин нет более симпатичного поворота, чем этот. Товарищ, который планировал шоссе, наверняка предполагал, что в один прекрасный денек кому-то понадобится скинуть кого-то именно в этом месте.

Судите сами: шоссе ныряет в пологую ложбину между холмами и плавно поворачивает влево. В самом начале поворота, метрах в четырех от правой обочины, начинается могучий овраг, примыкающий к дороге на протяжении километра. Ограждение? Ну, разумеется, вот оно: полосатая рельса на стойках тянется в метре от обочины и выглядит вполне надежно. Только ограждение моему делу не помеха. Расчеты показывают, что при правильном подборе материала и точном сопоставлении успех гарантирован на две-

сти процентов. Аксессуары на месте: в багажнике и на заднем сиденье. Можно смело утверждать, что все в ажуре: акция почти завершилась (тьфу, тьфу, тьфу! — через левое плечо).

— Все тип-топ, Бакланов, все в норме, — пробормотал я, успокаивая себя. — Беспокоиться нечего — нет причин.

Беспокойство, однако, от этого не исчезло. Смутное недовольство, возникшее с утра по прочтении исходных данных, окрепло и сформировалось в полновесную безотчетную тревогу, которая стальной занозой впиалась в сердце и не желала самоуничтожаться.

Мое шестое чувство, периодически просыпающееся где-то внутри в самые неожиданные моменты, настойчиво кричало: «Что-то не так!!! Тормози, Бакланов!!!» Только куда уж тормозить! Механизм запущен, все идет вроде бы и без моего участия, само собой. Я винтик. Маленькая деталь хорошо отлаженной машины уничтожения...

С северо-запада, где шоссе вытягивается в тонкую ниточку, показался «Мерседес-600». Вздвогнув, я натужно сглотнул и сильнее вдавил окуляр под бровь. Ну-ка, ну-ка... Спустя полминуты мне удалось рассмотреть номер машины и контуры лица мужика, сидевшего рядом с водителем. Это был товарищ Снегов.

— Ну, здравствуй, мой хороший, — пробормотал я, поворачивая ключ в замке зажигания. — Не забудь всем близким приветы. — И начал медленно спускаться с холма по заросшей густой травой грунтовке.

Уже выбравшись на шоссе, я вдруг обнаружил, что голова моя совсем не очистилась от мрачных раздумий. Напротив, смятение обуревало меня все сильнее и сильнее. А между тем до начала активных действий оставалось около трех-четырёх минут. В этой жизни я много раз ходил рядом со Смертью и прекрасно знаю: если ты не сумел выбросить из головы все лишнее, лучше на операцию не идти! В противном случае ты либо кандидат в покойники, либо обгадишь дело на все сто процентов. Будучи молодым лейтенантом, я дважды негласно отстранялся от участия в опе-

рациях: оба раза ротный (дай бог ему здоровья!) точно улавливал, что я пребываю в сумеречном состоянии.

Сейчас, однако, иная ситуация. Провал акции неизбежно влечет за собой жестокое наказание (см. выше). А потому остается единственный выход: за две минуты поднапрячься и привести себя в состояние полного душевного равновесия.

Ритмично дыша по системе, я, как рекомендует Карнеги, принялся лихорадочно расчленять свою тревогу на составляющие, чтобы потом, по отдельности, их было легче проигнорировать к чертовой матери.

Так-так, что там у нас? Срок и навязывание способа ликвидации? Ну, это можно смело проигнорировать. Не надо забывать, что в ПРОФСОЮЗЕ трудятся обычные люди. С присущими им слабостями и недостатками. Кто-то что-то забыл, кто-то где-то напутал, и вот — нате вам! Аврал! Как в обычной организации. Это даже радует: не монстры рулят ПРОФСОЮЗОМ, простые ребята из плоти и крови. Хорошо! Но ведь ранее таких авралов не случалось? Ну, не случалось. А сейчас вот случилось. И все, хватит об этом! Минус один фрагмент, потопали далее.

Далее: личность жертвы и район выполнения заказа. Хм... Да, это требует вдумчивого анализа. Все предыдущие акции я разрабатывал и осуществлял вне региона, в котором имею честь проживать. Для удобства перемещения и безболезненного выпадания из обычной жизни ПРОФСОЮЗ снабдил меня симпатичной «Нивой» в прекрасном техническом состоянии и не менее симпатичным алиби.

«Ниву» я по официальной версии вроде бы выиграл в карты при смутно прослеживающихся обстоятельствах (мой патрон, кстати, весьма заинтересовался этим фактом, так что пришлось, что называется, по ходу действия «лепить отмазки» и беспокоить Диспетчера по экстренному телефону). А для того чтобы не создавать в каждом конкретном случае одноразовое алиби, профсоюзные мыслители соорудили мне качественную легенду на все случаи жизни. В один прекрасный день у меня внезапно «проре-

зался» дар живописца, доселе крепко спавший где-то в глубине подсознания.

Вначале мои близкие немало удивлялись такому чуду, но вскоре все привыкли — люди ко всему привыкают. По истечении некоторого времени уже никого не удивляло, что я за счет выходных мог попросить недельку отгулов и умотать куда-нибудь к черту на кулички: впитывать в себя неповторимые образы живой природы. По окончании акции в условленном месте я изымал холст с недурственно выполненным пейзажем, в котором явственно чувствовалась рука мастера. Прибыв на хаус, я вставлял холст в раму и полуторадюймовым гвоздем прибивал картинку к стене в кабинете отца, где валялись пустые рамы, холсты, кисти, краски и прочая дребедень, создававшая иллюзию творческого беспорядка.

Алиби было на все сто. Никто почему-то не усомнился, что я художник настоящий. Шеф мой всячески потворствовал этому увлечению — я бы даже сказал, гордился моей творческой устремленностью, столь необычно посетившей меня уже в зрелом возрасте. Знал бы он, что за этим кроется!

Итак, сегодня я впервые выполнял акцию вблизи родного Новотопчинска. И совсем без легенды, поскольку сегодня был выходной — я мог шляться без присмотра где душа пожелает. Очень, очень странно. Если же приплюсовать к этому обстоятельству особенности личности клиента, возникал весомый повод для вдумчивых размышлений на тему: «К чему бы это?»

Господин Снегов, которого я лично не знал, но много о нем слышал, «держал» в области деревообрабатывающую промышленность во всех ее проявлениях и вполне справедливо был обзываем за глаза всеми, кто с ним соприкасался, «Папа Карло».

Помимо «папокарловской» деятельности, Снегов имел касательство к целому ряду направлений в криминальном бизнесе и дружил со многими солидными товарищами как из областной администрации, так и из новотопчинской братвы. Более того, старший сын Снегова являлся брига-

диром бандитской группировки Кировского района, а младший пока тихо-мирно учился на юрфаке Новотопчинского университета.

Но не это главное. Снегов вот уже три года был одним из основных конкурентов моего патрона в сопредельной области бизнеса и наиболее явным претендентом на роль теневого хозяина области в случае, если бы с Доном вдруг что-то случилось (тьфу, тьфу, тьфу! — через левое плечо).

Нет-нет, своим существованием Снегов не угрожал безопасности Дона. Слишком неравное у них было положение: за последние два года мой патрон здорово поднялся и вылез далеко за рамки «папокарловского» разряда. Но Снегов имел на плечах уникальное мыслительное приспособление, и Дон сам признавал это.

— Если бы вдруг меня не стало, нашу фирму, да и область тоже, запросто мог бы прибрать к рукам Роман Петрович, — как-то в раздумье признался он мне. — Три-четыре заказа, один-два наезда — и привет...

Патрон мой просто так не болтает. Каждое его слово — капитал. Положение обязывает. Значит, Снегов еще тот фрукт.

Если рассматривать ликвидацию Снегова или же его долговременное изъятие из оборота именно в этом аспекте, невольно в голову лезут лишние вопросы. Или Роман Петрович насолил ПРОФСОЮЗУ в индивидуальном порядке, что, как мне кажется, маловероятно, или... или же ПРОФСОЮЗ желает таким вот странным образом упрочить положение моего патрона и произвести перераспределение сил в деловом мире Новотопчинска.

К чему бы это? Так-так, стоп! Надо же расчленять и игнорировать! Ага. А ну его в кузов, этого Снегова и район выполнения! Я под рукой, удобно. А личность клиента... ну, чего бы там ПРОФСОЮЗ ни замыслил, он работает в данный момент во благо моего шефа. Значит, это для меня вполне приемлемо. Необычно? Да черт с ним! Сказано: аврал. И нечего тут мудрствовать.

Вот и второй фрагментик проигнорировали — основ-

ной, хочу заметить, фрагментик. Поехали далее — времени немного осталось.

Последнее, что меня гложет, — нулевой вариант. В исходных данных каждого задания, в самом начале, профсоюзные операторы ставят номер варианта. До сего момента на листках с самоликвидирующимся шрифтом, которые я получал перед каждой акцией, стояло: «ВАР. № 1». Это значит, что клиента нужно аккуратно устранить в индивидуальном порядке, категорически избегая лишних жертв.

На титульном листке исходных данных на Снегова я с удивлением обнаружил: «ВАР. № 0». Значит, я имел право мочить всех, кто хоть чем-то являл собой опасность для выполнения задачи. Разумеется, я не собирался убивать кого-то лишнего и, поухмылявшись странностям этой акции, тут же забыл об этом. Однако уже через два с половиной часа я был вынужден воспользоваться условиями нулевого варианта.

Помимо спиннинга с пятидесятиметровой катушкой и полкуба керамзита, которые я раздобыл без особого труда, мне была нужна резиновая баба. Нет-нет, вовсе не для того, о чем некоторые из вас подумали, извращенцы этикие! Хотя в принципе это мое личное дело: кто как хочет, так и точит. Ну, естественно, в Новотопчинске приобретать сие изделие я поопасался, а потому, прошвырнувшись по районам, обнаружил в захолустном поселке с идиотским названием захудалый секс-шоп. И с ходу купил там первую подвернувшуюся под руку резиновую бабу.

В маленьком магазинчике, помимо меня, присутствовала еще одна клиентка: беззубая старушенция, которая копалась в куче презервативов разнообразной конфигурации и расцветки.

Продавец — рыхлый дядечка под пятьдесят с глумливой рожей — начал похабно шутить по поводу моего приобретения и напористо интересоваться, каким образом собираюсь пользоваться этой дурацкой резиновой бабой.

К счастью, старушенция оказалась туговата на ухо: проигнорировав шутки рыхлого, она выудила из кучи гигантский отечественный кондом с головой крокодила Гены и,

заявив, что внуку будет славненький шарик на день рождения, удалилась.

— А ты че из города сюда приперся? — поинтересовался рыхлый дядя, когда я уже было направился к выходу. — Че у вас там — нету резиновых баб, что ли?

Я притормозил и бросил через плечо:

— Почему знаешь, что я из города? Может, я из Вознесеновки?

— Из города, из города! — уверенно протараторил рыхлый. — На хера из Вознесеновки переться через весь город к нам, чтобы купить резиновую бабу? Ее можно и в городе купить! А раз к нам приперся, видать, чего-то тебе не хочется, чтобы про бабу кто-то знал! Скрываешь ты про бабу. Гы-гы! А?

— Ну уж, скажешь тоже, — неуверенно попытался возразить я, — просто вот ехал мимо — дай, думаю, загляну...

— И машина у тебя сухая! — не дал мне досказать рыхлый, победно сверкая глазами. — А в Вознесеновке с утра накрапывает — чай знаем! А?! — рыхлый довольно прищурился и шмыгнул носом.

Н-н-н-да... Шерлок Холмс херов. А мог бы жить да жить. Поразмыслив с десяток секунд, я зыркнул через стеклянную дверь, зафиксировал отсутствие нежелательных свидетелей и вернулся к прилавку.

— Мне очень жаль, толстый, — сожалеюще произнес я, пристально глядя в глаза продавца. — Но ты слишком много внимания уделил моей скромной персоне. Заметил меня, запомнил мою машину. И самое главное — ты верно подметил, что мне нужно скрывать эту дурацкую резину...

Рыхлый бочком-бочком вдоль прилавка засеменял к выходу. Я медленно перемещался параллельно с ним. Округлив глаза, рыхлый испуганно вскрикнул:

— Да ты че, паря! Да это я так... шуткую я!

Выбравшись из-за прилавка, рыхлый набрал полную грудь воздуха, чтобы метнуться к двери и заорать что было силы. Я по-кошачьи прыгнул к нему и коротко двинул кулаком в живот. Утробно ойкнув, рыхлый с шумом выпустил

воздух и широко разинул рот, чтобы сделать вдох. В этот момент я рубанул его ребром ладони в область левого предсердия. Мягким кулем рухнув на пол, рыхлый несколько раз дрыгнул ногами и затих.

— Извини, толстый, — прошептал я, щупая пульс на его шее. — Очень уж ты внимательный...

Пульс отсутствовал. Еще раз осмотрев через стеклянную дверь подступы к магазину, я забрал свое приобретение и выбрался на улицу. Спустя три минуты моя «Нива» пылила прочь от этого захолустного поселка, так некстати приютившего на одной из своих кривых улочек маленький и никому здесь не нужный секс-шоп...

Тяжко вздохнув, я посмотрел на часы. Через пару минут «мерс» товарища Снегова вынырнет из очередной ложбинки в двухстах метрах от поворота. Надо работать.

Подкатив машину к торчавшему рядом с правой обочинной прутуку, я полюбовался на панораму могучего оврага. Неплохо, очень неплохо... Жаль, мусора нет внизу — какие-то энтузиасты поубирали все, травку по склону граблями расчесали. Если вдруг что, какого-нибудь дотошного «дознавателя» из братвы может заинтересовать растерзанная резиновая баба. Однако что-либо менять уже поздно. Время «Ч» неотвратимо приближается.

Надув бабу, я пропустил промчавшуюся мимо «Тойоту», отметив краем глаза, как ее слегка бросило вправо на повороте.

— Вот-вот, и я про то же, — пробормотал я, удовлетворенно хмыкнув, и быстро привязал бабу к пруту, вытравив через левое окно машины восьмиметровый отрезок лески.

— Можно, Снегов, — тихо прошептал я, глядя в зеркало заднего вида. Из соседней ложбины на холм выскочил «Мерседес-600».

Осторожно тронув машину с места, я начал понемногу набирать скорость, косясь в зеркало на стремительно приближающееся чудо немецкого автомобильного гения.

Катушка спиннинга мелодично потрескивала, раскручиваясь по мере движения все быстрее. Краем глаза я отметил, что моя резиновая баба, томно приторчавшая у прута, с такого расстояния выглядит совсем как настоящая. Эта-

кая голенькая длинноножка с упругой попой и стоячими грудями, каким-то чудом вдруг возникшая на обочине. Воплощение эротических мечтаний дальнобойщика.

Выражения глаз сидящих в «мерсе» мужиков я видеть не мог, но мог отдать фрагмент своей задницы на отсечение, что в этот момент они все пялятся на мою красючку. Не может нормальный мужик спокойно проехать мимо столь завлекательного зрелища.

Когда между моей «Нивой» и «мерсом» осталось около 70 метров, я рванул веревку, удерживающую багажник в закрытом положении, и даванул на газ. Полкуба керамзита разлетелись по шоссе, прыгая, как шарики от пинг-понга.

Вращение катушки спиннинга прекратилось. Щелк! — тенькнул пружинный стопор.

Голая красотка стремительно прыгнула под колеса поравнявшегося с ней «Мерседеса-600». Резанул по ушам отчаянный скрип тормозов. От рывка булинь развязался, и леска свободно помчалась вслед за моей набирающей скорость машиной...

Что сказать? Спросите у любого автомобилиста, что будет с машиной, движущейся со скоростью 90 километров, водитель которой резко тормозит на повороте. Не забудьте при этом, что метров на тридцать по ходу торможения шоссе сплошь покрыто керамзитными катышками...

Глава 2

Дома меня ожидал сюрприз. Прокрутив по возвращении автоответчик, я обнаружил, что звонила Оксана и эротическим голосом обещала явиться ближе к вечеру — поработать с Милкой. А если я этого хочу, есть вполне реальная перспектива заполучить ее на ночь. На всю ночь! Во!

Метнувшись в комнату к Милке, я отметил, что ее состояние вполне удовлетворительное, отпустил няньку и, быстро накрутив номер «Курьера», наказывал кучу всяких прибабасов для торжественного ужина.

Хочу ли я, чтобы Оксана осталась на ночь?! О чем речь, черт ее задери! Я всегда этого хочу. Я хочу ее утром, я хочу

ее днем, и в любое время суток я хочу ее втроем!!! Вернее — за троих. Оксана — это чудо двадцатого века. 65 кг похоти и вожделения, вулкан эмоций, океан страстей, море капризов, блистательный ум и полная непредсказуемость. Короче, секс ходячий с мозгами Геродота и замашками Клеопатры.

Сказать, что я ее просто люблю, значит, не сказать ничего. Милку, например, я просто люблю и верю, что она — моя половинка. А Оксана — это... это... Ну, представьте себе, что после минутного знакомства вы моментально вкусили с дамой все прелести неопишуемой страсти, каковой ранее не знали никогда в жизни! И в процессе этого самого от восторга чуть было не дали дуба — так вам было хорошо. А поскольку вы неслабый аналитик и изрядно разбираетесь в сфере проявления человеческих эмоций, вы в процессе этого самого сумели зафиксировать, что дама испытывает примерно те же чувства. И так — пять раз подряд в течение трех часов. Каково?

А потом в течение недели дама обращается с вами, как с малоперспективным коллегой по работе, на любые намеки реагирует с презрительным высокомерием и вовсю флиртует с посторонними особями мужского пола. А когда вы пытаетесь выяснить отношения, эта фурия снисходительно и насмешливо, будто младшему брату-дегенерату (Оксана старше меня на четыре года), втолковывает: та ночь, детка, ни к чему не обязывает, вы самостоятельные субъекты и так далее. И рассчитывать на ее благосклонность вы можете лишь в том случае, если будете себя примерно вести. А дня через два или три — когда ей удобно — как ни в чем не бывало звонит и сообщает эротическим голосом, что сегодня вечером готова уделить вам часок-другой. С перспективой остаться на ночь — ежели будете паинькой. Представляете?!

И таким вот образом — на протяжении шести месяцев. Я, к стыду своему, должен признаться, что пребываю в рабстве у этой фурии. Она меня частенько нервирует и доводит до полуистерического состояния (товарищ с менее тренированной психикой уже давненько бы завернул ласты от

инфаркта). Иногда я готов разорвать ее на части — знаю точно, что она периодически, под настроение, дарит свою чувственность тем, кто, с ее точки зрения, этого заслуживает.

Несколько раз (какой позор!) я под горячую руку убивал ее и порывался окончательно прекратить наши отношения. Но Оксана очень тонко чувствует такие моменты и всегда своевременно принимает меры, чтобы держать меня на коротком поводке. И это ей вполне удастся. Не знаю, каким секретом обладает эта куртизанка, эта гейша, эта... эта... однако, когда она оказывается со мной наедине, я в буквальном смысле слова теряю рассудок. Перед глазами плывут причудливые колонны фаллической формы, ее черные трусики, просвечивающие сквозь тонкий шелк юбки, становятся вдруг центром мироздания, и вообще, у меня даже язык деревенеет — до того я хочу ею обладать.

В общем, эта женщина — неотъемлемая часть моей жизни. Она помыкает мной и удовлетворяет свои амбиции за счет моей феноменальной влюбленности в нее. Она имеет надо мною необъятную власть.

Если вникнуть в симптомокомплекс этого нездорового явления несколько глубже, помимо внешних данных поработорительницы, можно обнаружить еще одно обстоятельство, на мой взгляд, играющее решающую роль в наших отношениях.

Оксана — психотерапевт высочайшей категории. Более того, она одна из немногих в нашей стране имеет диплом психоаналитика мирового стандарта. Пять лет стажа в лучшей европейской клинике — это вам не в вагоне с металлоломом сало жрать!

В общем — сволочь. Когда-нибудь я ее прибью — по своей инициативе, вне профсоюзной разрядки. Потому что, как мне кажется, такие муки в течение хоть сколько-нибудь продолжительного периода не в состоянии вынести ни один нормальный мужик. Хотя, по большому счету, я сам оказался инициатором наших отношений. Мог бы и не влезать — все, вполне возможно, получилось бы совсем иначе.

Познакомились мы около полугода назад. Стояла ранняя весна, отягощенная всеми приличествующими этой поре аксессуарами: насадным завыванием котов, зазывным сверканием глаз подавляющего большинства юного женопоголовья, которое разом повыпрыстывалось из зимних шкур, и витающим в воздухе фимиамом всеобщего вожделения, способным свести с ума даже надышавшегося за день чернилами бухгалтера-перестарка.

Мучимый каким-то невнятным томлением, я вечером шлялся по улицам Центрального района и мимоходом завернул в хороший кабак для «новых», который славился потрясающей заливной осетриной и неподдельным французским вином. В красноватом полумраке просторного сводчатого зала господствовали запахи хорошей кухни, которые органично сочетались с ненавязчивым звучанием музыки Скрябина. Наверно, это сочетание здорово импонировало «новым» и центральной братве, которая любила пасть в этом кабаке, — это ставило их на уровень интеллигентных снобов старой закваски, каковыми они на самом деле не являлись и от того слегка комплексовали перед лицом интеллигенции настоящей.

Оксана была там с каким-то здоровенным бородатым дядькой — их столик располагался метрах в шести от моего. Дядьку этого я уже где-то имел удовольствие лицезреть, причем неоднократно, но лично с ним знаком не был: если бы вдруг мне втемяшилось перезнакомиться со всеми деловыми партнерами моего патрона или просто с его приятелями, я вынужден был бы минимум на неделю все бросить к чертовой матери и с утра до вечера торчать в приемной головного офиса, представляясь всем подряд и всех запоминая.

Бородатик уже изрядно поддал и что-то едко выговаривал своей спутнице, махая у нее перед носом мясистой пятарной и периодически тыкая пальцем куда-то в зал. Я проследил за движением пальца: в том направлении, у стены, сидели за столиком трое бандитов из группировки Центрального района (я пару раз видел их, когда ездил по делам с нашим вице к Феликсу) и, позабыв о еде, пялились

на Оксану. А пялиться было на что. Ко всему прочему, эта фурия от выпитого вина раскраснелась, похорошела до неприличия — я бы сказал, распустилась, как календула под лучами солнца. Она выглядела до того соблазнительно, что не пожелать ее в тот момент мог только явно выраженный педофил или законченный дегенерат с катастрофическим недостатком половых гормонов. Типа того бородача, что сидел с ней за столиком и махал перед прекрасным ликом потной дланью. Несколько позже, кстати, я прекрасно понял, почему бородач так вел себя, — когда сам побывал в его шкуре. Но в тот момент, увы, я еще ничего не знал, а потому завороженно смотрел на это секс-чудо и думал только об одном: как было бы здорово заполучить хоть на пять минут сей комплекс эротических ухищрений.

В самом разгаре вещания своего спутника Оксана вдруг вскочила и, приблизившись к бандитам, с кошачьей грацией запрыгнула на их столик.

Зал замер. Была отчетливо слышна каждая нотка выдаваемой стереоколонками музыки. Распинав со стола посуду, красотка артистично станцевала нечто среднее между канканом и ламбадой, высоко вскидывая ноги. Затем она прыгнула на колени одного из бандитов, обняла его за шею одной рукой и, тыча пальцем в сторону своего бородача, задорно крикнула:

— Мужчины! Скажите же наконец этому зануде, что я просто цаца! Что я — настоящее сокровище и он понятия не имеет, чем обладает!

Зал дружно зааплодировал, и обычный шум возобновился: ситуация не из ряда вон, всего-то лишь экстравагантная шутка подвыпившей соблазняшки. Победно вскинув кулачок, Оксана встала и, поклонившись троице, направилась было к своему спутнику, который угрюмо мял подбородок.

Однако не тут-то было! Я не даю гарантии, что после ее перепляса на столе с демонстрацией шелковых черных трусиков, вызывающе просвечивающих сквозь паутину колготок, нормальные мужики повели бы себя адекватно, а здесь... Здесь были поддатые «быки», что называется, без

тормозов, которые привыкли властвовать в этом районе, в этом кабаке и делать все, что душа пожелает.

Они вскочили, как по команде, сноровисто ухватили Оксану за руки, за ноги и шустро потащили к выходу, возбужденно сопя и сверкая глазенками.

Зал вторично замер: такие штуковины здесь случались нечасто. Люди сюда приходили солидные, желая хорошо поесть и расслабиться, а не гудеть ночь напролет с боем посуды и метанием стульев в голову соседей.

Сообразив, что угодила в передрагу, Оксана истощно завизжала. Бородастый парниша — ее спутник — вскочил и бросился наперерез бандитам. Тот «бык», что двигался спереди, с размаху пнул его в пах: бородач с криком рухнул на колени, скрючился кренделем и стал елозить ногами по паркету. Двое секьюрити у входа деликатно исчезли за портьерами — не пожелали постоять за честь заведения.

Я неоднократно давал себе слово не вмешиваться в аналогичные переделки, поскольку знаю по горькому опыту, что ничего хорошего из этого не выходит. Этот самый опыт однозначно диктует: защити себя и того, кто тебе близок, остальное тебе должно быть глубоко по тулумбасу. Не лезь не в свое дело.

В тот раз я опустил было глаза, спрятал кулаки и начал дышать по системе, отсчитывая ступени вниз, к точке нулевого спокойствия. Раз, два, три: а не мое это дело, меня это не касается. Четыре, пять, шесть, семь: с братвой лучше не конфликтовать. С этой публикой вообще завязываться не стоит — похоронят. Не сейчас, так чуть погодя... Восемь, девять, десять...

На счете «десять» направляющий захватнической колонны поравнялся с моим столиком — в этот момент Оксана с болью в голосе крикнула:

— Господи! Да помогите же кто-нибудь, люди!!! — И тут я встретился с ее взглядом, полным отчаяния. Все во мне перевернулось. Вспомнил вдруг Милку, гоблинов, свою жену с хачеком и так далее. В голове кто-то суматошно заорал: «Влип!!! Опять ты влип, Бакланов!»

Выскочив из-за стола, я застопорился на пути движения «быков» и очень дружелюбно посоветовал:

— Мужики! Оставьте ее — она пошутит!

Тот, что двигался направляющим, повел себя очень бесцеремонно: он ухватил меня свободной рукой за отворот пиджака и грубо оттолкнул в сторону, не сочтя нужным сконцентрировать внимание на таком малозначительном препятствии.

— А! Не хотим, значит, по-хорошему! — горько воскликнул я, предпринимая последнюю попытку разрешить конфликт в устной форме. — А вот Феликсу пожелаю — будет вам!

— Пшел отсюда, чмо! — рыкнул направляющий, здоровенный рыжий квадрат с бритой башкой, и вдруг попытался лягнуть меня в пах. Как давеча несчастного бородатика — спутника Оксаны.

Ну, это он зря так. Тут уж я не волен был управлять стихиями. Потому что, когда общение из устной формы трансформируется в рукоприкладство (или ногоприкладство — без разницы), мое логическое мышление самопроизвольно сходит на нет, а вместо него включаются автоматизмы многофункциональной боевой машины со старой, но вполне надежной программой, ключевым файлом которой является одно коротенькое понятие «УБЕЙ!».

Резко дернув тазом назад, я встретил агрессорову голень мощным рубящим ударом. Проигнорировав крик боли, разогнался на полкорпуса и прыгнул левым плечом вперед, сшибая направляющего с курса.

Ребята, естественно, были крепкие и имели определенный опыт в области единоборства — иначе бы их не держали в Центральной группировке. Но когда в узком проходе на вас стремительно падает стокилограммовая туша впереди стоящего соратника, вам, сколь бы крутым рукопашником вы ни были, не остается ничего другого, как столь же стремительно пятиться, поддерживая эту тушу. Пока во что-нибудь не упрусь.

Роль локомотива у меня получилась замечательно. Разогнав до предельной скорости колонну стремительно рети-

рующихся «быков», которые по ходу действия обронили визжащую Оксану на какой-то накрытый стол, я финишировал у витрины, в последний момент успев затормозить и прикрыть лицо руками.

Витрина лопнула с оглушительным звоном, взорвавшись сотнями осколков. «Состав» задом наперед вывалился на улицу. Выпрыгнув следом, я обнаружил, что у всех «быков» присутствуют явные признаки жизненной активности, несмотря на обильные порезы и сильные ушибы. Быстро аннулировав эти признаки несколькими точными ударами, я круто развернулся и неторопливо пошел прочь от ресторана — будто и не имел никакого отношения ко всей этой катавасии. Сами понимаете — общаться с приятелями этих громил, которые могли оказаться в разных местах огромного зала, мне вовсе не улыбалось.

В ресторане между тем включили верхний свет. Чуть погодя возбужденные голоса закричали мне вслед:

— Вон он! Вон — идет, сука!

«Нехорошо! — подумал я. — Надо бы убираться отсюда поскорее, пока не прибили!»

Сзади тяжело забухал топот нескольких пар ног.

— Стой, козел! — надсадно заорал кто-то противным голосом. — Стой, я сказал!!!

Тут я искренне порадовался, что окончил Новосибирское высшее военное командное училище МВД. Потому что негласный рекламный лозунг для абитуриентов сего достопочтенного заведения и поныне тот же, что и 15 лет назад: «Хочешь стрелять, как ковбой, и бегать, как его лошадь, — поступай в НВВКУ!»

— А хер вы меня поймаете, уроды! — злорадно буркнул я и приготовился наддать во все лопатки.

В этот момент наперерез мне из ворот ресторанной стоянки выскочил «СААБ-9000», заскрипел надсадно тормозами и распахнул правую переднюю дверцу.

«Ну, теперь точно влип! — подумал я. — Теперь я получу премию за мужество. Посмертно».

— Прыгай, герой! — крикнул из салона возбужденный женский голос. — Теперь моя очередь!

Раздумывать было некогда — сзади явственно доносилось хриплое дыхание преследователей. Юркнув в салон, я с удивлением обнаружил за рулем незадачливую канканщицу настольного типа. «СААБ» метнулся вперед, едва не сшибив успевших в последний момент отскочить догоняльщиц, и умчался в ночную мглу.

Спустя пять минут мы остановились в каком-то темном переулке, чтобы разобраться в ситуации. И не разобрались. Стоило водительнице «СААБа» произнести несколько слов, как я вдруг ощутил исходящие от нее мощные эротические флюиды и, потеряв голову, бросился на штурм неисследованной твердыни.

Не знаю, что на меня нашло: я рычал, как раненый ягуар, и в каждой конечной точке поступательного движения с размаху бился башкой в мягкий потолок машины.

Моя вновь обретенная сотрудница по сексу тоже верещала дай боже — это меня изрядно вдохновляло и одухотворяло. Позже выяснилось, что верещала она из-за того, что угодила попой на торчавший меж сидений рычаг коробки передач, но в тот момент я этого не знал — я вообще не знал, где у «СААБа» этот идиотский рычаг, — и в целом вышло все просто потрясающе!

В процессе общения моя дама всеми силами пыталась изменить положение, я активно препятствовал ей в этом, и мы умудрились перевалиться на заднее сиденье, где и завершили мероприятие серией мощных вскриков и поперечным разрывом потолочной обшивки (а все проклятые туфли на шпильках!).

Затем моя секс-партнерша включила свет и принялась искать свои трусики.

— Ну ты и звереныш! — укоризненно констатировала она спустя две минуты. — Ты ж их в ключья изодрал! — И тут же махнула рукой, как само собой разумеющееся, добавив: — А, ладно! Давай поедem куда-нибудь, продолжим знакомство в более цивилизованных условиях. И кстати — меня зовут Оксана...

Чуть позже я узнал, что сердитый бородач, которого в кабаке лягнули в пах, муж Оксаны, преуспевающий торго-

вещ оргтехникой. Как он терпел ее выкрутасы — ума не приложу! Если б она, будучи моей женой, бросила меня в кабаке и укатила бы с первым встречным на всю ночь, я б ее... а впрочем, не надо! Черт его знает, как бы я поступил на месте бородатого парниши, имея такую супругу. Потому что Оксана — это нечто. Аналогов нет.

В ходе второй нашей встречи ко мне домой очень некстати приперся мой патрон. Он иногда навещает меня, чтобы проверить соответствие образа жизни подчиненного его начальственным установкам на добропорядочность и лояльность. Как правило, эти посещения завершаются ужиранием вдрезину и философскими беседами ночь напролет об абстрактных материях.

Вообще-то я категорически приветствую такие наезды: Дон потрясающий собеседник и вообще феномен интеллектуального плана, каких в наше время встречается по паре на три с половиной миллиона жителей. Но в тот раз, сами понимаете, этот визит был очень и очень нежелателен.

Дон, старый половой разбойник, моментально расправил плечи, замаслел глазенками и очень скоро нашел с Оксаной массу точек соприкосновения. Я, увы, рядом с этими витийствующими светилами интеллектуального фронта почувствовал себя недоразвитым дегенератом, удравшим из приюта для умственно отсталых подростков и попавшим по воле случая на заседание Совета Академии наук.

Узнав, что Оксана валяет дурака на содержании мужа и умирает от скуки, Дон моментально предложил ей работать психоаналитиком в нашей фирме. Он якобы давно хотел ввести такую должность (я чуть фужер не проглотил от злости: никогда раньше не слышал, чтобы этот старый маразматик помышлял ввести нечто подобное!). Оксана не раздумывая согласилась.

Вот, собственно, и все. Уже почти пять месяцев предмет моей нездоровой страсти пашет у нас психоаналитиком и частенько — по моей просьбе — проводит сеансы с Милкой. Только не надо думать, что каждый этот сеанс завер-

шается жарким сплетением наших тел где-нибудь на ковре в гостиной. Отнюдь! Я уже говорил, как эта... эта... короче, как она ведет себя по отношению ко мне. Когда я ей говорю, что мучаюсь от избыточной эрекции, общаясь с ней и не будучи в состоянии ее заполучить, эта мегера снисходительно советует: «А ты мастурбируй, мальчик мой. Во всех отношениях полезная процедура! Или женись — ты уже большой...»

Ух, зараза!!! Когда-нибудь я ее...

На улице послышался автосигнал. Я резво метнулся к выходу: вот она, моя радость долгожданная, моя раскрасавица!

Увы, это был всего-навсего посыльный «Курьера», который привез заказ.

Без особого энтузиазма разложив на столе в гостиной все аксессуары торжественного ужина, я аккуратно установил хризантемы в вазу (эта фурия обожает хризантемы), запихал шампанское в морозилку и накрутил номер объекта ожидания.

С той стороны мне тем же эротическим голосом сообщили: пока есть кое-какие дела, не позволяющие отлучиться; томительное ожидание только раскаляет страсть и придает остроту интимным отношениям, и вообще — учитесь властвовать собой, парниша! Короче, будет лишь через пару часов!

Тудыт твою налево! Взвыв от досады, я слегка попрыгал, чтобы восстановить кровообращение и душевное равновесие, ритмично подышал и пошел посмотреть, чем там занимается Милка.

Милка была в порядке. Она сидела в моей импровизированной студии, задумчиво улыбаясь, и рисовала. И рисовала то, что положено, — никаких отклонений.

Вернувшись в гостиную, я принялся гулять из угла в угол, с нетерпением поглядывая на ходики и подгоняя минуты. Кстати, пока я тут расхаживаю без дела, давайте расскажу вам о некоторых особенностях моей личной жизни. Боюсь, без этого вам может кое-что показаться не вполне понятным в процессе нашего последующего общения.

А если вы прочли «Профессия — киллер», можете следующие странички смело перелистнуть — ничего нового вы там не обнаружите.

Итак, зовут меня Эммануил Всеволодович Бакланов (о чем думали мои родители?!). Имечко, сами понимаете, еще то, а потому для своих я — Бак. Рост — 174 см, вес — 85 кг, зимой догоняю до 90 — толстею от безделья. Всю свою сознательную жизнь увлекался у-шу и старательно постигал учение даосов, которое так и не сумел осилить по причине чрезмерной лени и излишней чувственности, превратно трактуемой близкими людьми не иначе как склонность к сдвигу на сексуальной почве. Имею большую и, смею надеяться, неглупую голову, а также предрасположенность к маразматическим измышлениям философского плана, которая в зависимости от влияния сезонных факторов может обостряться до чрезвычайности.

Сейчас мне тридцать лет. Шесть из них я служил в спецназе Внутренних войск, откуда в 93-м году меня благополучно выперли за скверные манеры. Непосредственно перед выпиранием (а может, задолго до того — точно не знаю) я благодаря своей красавице жене успел обзавестись мощными ветвистыми рогами. Если бы они действительно росли, я скорее всего был бы похож на пятнистого оленя в зрелом возрасте.

С рогосозидательницей я счел целесообразным скоропостижно развестись после небольшого скандала и умотал в свой родной город, оставив ее с непонятно чьим сыном (на хачека здорово похож) на попечении многомудрых родителей.

Чуть позже мои родители погибли в автокатастрофе при смутно прослеживающихся обстоятельствах (сумерки имели место). От горя и безысходной тоски я ушел в долговременный запой, в процессе которого только чудом не угорел от алкоголя и не продал дом своих родителей каким-нибудь ханыгам.

Из запоя меня вытащил славный парень Дон. Донотан Резоевич Чанкветадзе. Обаятельный грузин, которого несведущий наблюдатель ни в коем случае не заподозрит в том, что он в этом году отпраздновал свое шестидесятиле-

тие. Так хорошо этот парниша выглядит — следит за собой. Дон — светлое пятно на фоне всеобщего российского упадка, ходячий аналитический центр и вообще — президент огромной фирмы, которая занимается всем, что входит в понятие «сельскохозяйственная продукция»: производством, обработкой и сбытом оной.

Когда-то давно, до моего рождения, Дон беззаветно любил мою мать. А потом его кореш — мой папанька — эту любовь у него отбил и женился на ней. Обычное дело, прошу заметить, — такие случаи сплошь и рядом имеют место в системе человеческих отношений. Детей у Дона нет, и, возможно, в память о любви к моей матери он относится ко мне несколько иначе, чем к обычному сотруднику фирмы. Правда, для наших необычных отношений есть и другие причины, но вот эта, на мой взгляд, является превалирующей.

В настоящий момент должность, мною занимаемая, именуется солидно и звучно — секретарь-референт-телохранитель. Во как! Близкие люди — Слава Завалеев и Серега Айдашин, соответственно, начальник СБ фирмы и его зам — дразнят меня НППР (не пришей к одному престелстному месту рукав!). Как ни прискорбно, это соответствует действительности. В обычное время я просто избираю мебель в головном офисе. Могу целыми днями сидеть в своем уютном кабинете и гонять на компьютере танки. Или пойти в «Динамо» лупить по грушам и качаться. Там меня принимают в память об отце, который был заместителем прокурора области. Но это только в обычное время.

Дон, светский лев и гранд, король многоходовых комбинаций в деловом мире, когда ситуация закручивается в штопор и имеют ценность только хорошо наработанные автоматизмы воина, теряет голову и становится совершенно беспомощным. Вот тут выступаю я: взваливаю все его проблемы на свои крепкие плечи и начинаю отрабатывать свой хлеб с красной икрой. Так было уже несколько раз, и, как мне кажется, я с лихвой окупил затраченные на меня средства и отеческую заботу патрона. В противном случае